

ФІЛОСОФІЯ

УДК 165.612

Святослав ВЬШИНСКИЙ,
Институт философии им. Г.С. Сковороды
НАН Украины,
Киев (Украина),
s-vyshynsky@vkursi.com

АВТОНОМИЯ ПРОСТРАНСТВА. УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ключевые слова: *новый идеализм, волюнтаризм, автономность, синархия, революция.*

Вишинський С. Автономія простору. Українська революція

У статті здійснюється спроба надати філософсько-антропологічне обґрунтування революційних подій в Україні 2013-2014 рр. та їхнього зв'язку з процесом деконструкції постмодерну. Визначаються філософсько-політичний словник і головні етико-метафізичні орієнтири оновленого східноєвропейського цивілізаційного простору.

1. Дискурс

Революционные всплески на Украине, несмотря на распространенные мифы, сопряжены не с ростом национализма – и тем более не с агентурным влиянием Запада, насчет чего на том же Западе, равно как и на Востоке, у многих все еще остаются иллюзии родом из XX в. Акции протеста на Майдане Независимости в Киеве, как и последующее, связанное с ними противостояние на Юго-Востоке Украины – не тема межэтнического или даже межгосударственного конфликта. «Россия» и «Украина» как некие политико-юридические субъекты вынесены за скобки, так как вопрос сам по себе значительно глубже. Как верно заметил Владимир Басманов¹, война на Юго-Востоке – война гражданская. В наднациональном понимании этого слова. Если угодно, идет речь не только о том, какой будет Украина будущего – но и о том, какой будет Россия, равно как и все связанное с ее непосредственным влиянием евразийское пространство. Мы свидетели и участники схватки двух взаимоисключающих проектов – проекта *Свободы* и проекта *Тирании*.

Самое важное качество указанных событий состоит в том, что их сценарии пишутся не в кабинетах, а непосредственно на акциях протеста и на полях битв. Мы отнюдь не имеем в виду сугубо политические планы – но те смыслы, которые вкладывают в события участники происходящего. Зачастую эти

смыслы настолько далеки от чьих-то ожиданий, что до поры до времени совершенно не фиксируются, либо в должной степени до сих пор не поняты и не приняты во внимание крупными геополитическими игроками. Однако эти смыслы схвачены и переживаются рядовыми участниками противостояния. Поэтому нет ничего удивительного в том, что большинство активистов на передовой давно мыслят конфликт универсально, а не национально – революция и ее цели прогрессируют стремительными темпами.

На Украине идет война, которая, в мягкой или острой фазах, затянется на много лет вперед. Это не межгосударственная война России и Украины. Это не война русского и украинского народов. Не война языков и культур – а борьба старого и нового мира, старого и нового мировоззрения. В этом смысле мы полагаем, что термин «национализм», по инерции все еще широко используемый и украинской, и российской правой средой, следует заменить на новый, более адекватно отражающий реалии нынешнего гражданского движения за свободу. Мы также склонны думать, что этот термин более не подлежит трансформации или реконтекстуализации – слишком нов и необычен тот мир, в который мы сегодня вступаем.

Сегодня как никогда высок запрос на совершенно новую идеологию, некоторые положения которой уже давно витают в воздухе,

но до сих пор четко не сформулированы. Протест, связанный с Майданом, пошел впереди революционного «паровоза»: революционные действия свершились раньше, чем было произнесено революционное слово. Интеллектуальные элиты всех мастей в большинстве своем оказались неготовы дать этому движению определение и направление «сверху» – и в этом кроется его неподдельный народный дух. Который впервые в полной мере проявился только 19 января 2014 г. на ул. Грушевского – когда по-настоящему закончилась симуляция Евромайдана и началась украинская Революция достоинства (укр. «*Революція гідності*»).

Революция достоинства, несмотря на ту роль, которую в ней сыграли радикалы из организаций типа «Правого сектора», С14 и «Свободы» – это не Национальная революция, о которой столько лет писали украинские правоконсервативные мыслители. Многие полагают, что она лишь служит ее преддверием. Мы не собираемся этого отрицать, но утверждаем, что ставки намного выше, так как речь идет не только о совершенно новых формах нациогенезиса или о реформативном геополитическом пространстве – но об изменении ценностной картины мира в той точке, которая до сих пор считалась второстепенной буферной зоной, разделяющей сферы политико-экономических интересов условных Востока и Запада. Этико-идеологическая формула украинской революции: «Свобода между Западом и Востоком».

Слово «национализм» в данных условиях следует уже считать устаревшим, его инерционное использование понижает дискурс, тогда как изменение его контекстуального значения мы полагаем слишком затратным и едва ли возможным в условиях оголтелой информационной войны. Не следует сеять недоразумения на всех фронтах – напротив, правильнее избегать непродуктивных дискуссий и задавать совершенно новую повестку дня. В этом смысле куда более адекватными формами выражения украинской революционной действительности являются словосочетания типа «революция общин» (укр. «*революція спільнот*»)², «общинная революционность». Настоящим социальным субъектом этой революции стал не народ в этническом смысле слова, а гражданские общности, совокупно творящие единое гражданское общество.

Это гражданское общество в будущем может вылиться в особое национальное самосознание американо-швейцарского типа, в котором этнико-языковая составляющая будет

второстепенной. Скрепками этого сознания станут ценности свободы, умноженные на некие цивилизационные факторы – и в этом смысле мы ведем речь об обществе одновременно консервативном (в противовес либерально-секулярному Западу) и революционном (в противовес деспотическому Востоку). Иная, и более органическая историческая параллель – Речь Посполитая, сочетавшая лучшие традиционные ценности и демократические свободы своего времени. Возможно, именно это пространство станет центром развития новых, анархо-революционных форм ислама и христианства («политический ислам» Гейдара Джамала³ и «политическое христианство» Дмитрия Корчинского⁴), что обусловлено периферийным и, следовательно, максимально отдаленным от различных духовных центров влиянием Украины. Говоря об исламской составляющей, мы должны мыслить пространство революции вплоть до Северного Кавказа.

«Новая революционность» есть синтез социального и метафизического – следовательно, ее социо-политическим выражением является низовая демократия и сетевая самоорганизация, а духовно-философским – «новый идеализм»⁵. В совокупности мы ведем речь о «новом волюнтаризме» как о главном этико-методологическом обосновании Революции достоинства. При этом мы имеем в виду, что употребляемые термины носят условный характер, многие удачные словосочетания встречаются в трудах Анатолия Лупыноса⁶, Дмитрия Корчинского, Гейдара Джамала. В УНСОвском лексиконе стоит особо выделить понятие «экзистант»⁷ для обозначения личности-носителя волюнтарно-революционной пассионарности – со времен казачества и до сегодняшнего дня.

Говоря об обновлении политического словаря, следует исходить из того, что в среде идеологов, культурологов, политологов возможно употребление более сложных понятий для обозначения философско-мировоззренческой части движения. Однако политические проекты предполагают понятные, доступные большинству слова. Мы считаем особо продуктивными понятия «автономии» и «автономности» – как в их социо-политическом, так и в метафизическом смыслах, в т.ч. для обозначения формата общности (укр. «*спільнота*», «*громада*») как фундамента гражданского общества (укр. «*громадянське суспільство*»). Этимологический ряд этих слов в украинском языке еще более очевиден, так как связан не с понятием «гражданства» (и, следовательно,

оседлости «города-государства»), но с понятием «общины».

В свою очередь, перед правыми деятелями стоит задача делиберализовать на гребне гражданской войны и революции понятие «гражданского общества». Исходя из кровавого опыта украинской революции, мы имеем основания понимать «гражданское общество» как совокупность автономных вооруженных общин, объединенных не только общим цивилизационным наследием, но и единой метафизической программой, одинаковым пониманием свободы. Таким образом это одновременно, в макро-измерении, и новая (политическая, полиэтничная) нация, и совокупность наций (геополитической блок), а в микро-измерении – и простые территориальные общины, и революционные группы внутри или на периферии старого, предреволюционного общества («вольное казачество»). На наднациональном уровне, в противоположность евразийской идентичности «советского человека», западно-европейской идентичности «гражданина мира» должна возродиться идентичность «человека посполитого», «общинного» (пол. *Rzeczpospolita*, от лат. *res publica* – «общее дело»).

Фундаментальная характеристика свободы – способность и стремление к автономии ее носителей. До сих пор понятие «автономности» оставалось большей частью прерогативой политического словаря довольно маргинальных лево- и праворадикальных групп – и, в отличие от всяческих «-измов», этот термин практически чист от массовых стереотипов и исторических ассоциаций. Это слово – все еще сырая глина, которую можно и следует править на новый лад. Понимая его не только как самодостаточный термин, но как ключевую характеристику, прилагательное любого другого понятия, его дополнение.

Мы утверждаем, что автономность следует понимать предельно широко – в первую очередь, методологически. За этим определением может следовать органическая борьба интерпретаций, и мы считаем, что это естественно: всякое понятие должно пройти огранку политической практикой. В этом контексте в рабочем порядке продуктивно обозначить некое ограниченное множество понятий и наше понимание этих терминов – дабы в последующем под различными углами в качестве идеограмм инсталлировать их в медиа-пространстве.

Для более яркого обозначения этого измерения мы допускаем определенную долю поэтизации: наряду со строгими терминами

вполне резонно пользоваться поэтико-метафизическими метафорами. Говоря об «автономном пространстве», в чисто политическом контексте мы понимаем его как пространство общественного самоуправления – будь-то сельская община, нация-государство или геополитическое объединение вне рамок полярности Левиафана и Бегемота⁸, Моря и Земли⁹. С другой стороны, в философском смысле мы ведем речь об автономии и суверенности политической воли. Поэтому «автономное пространство» – это также внутренняя экзистенциальная свобода и волюнтарная субъектность, неограниченная никакой эмпирикой *автономия мысли*, преодолевающая и отменяющая традиционные родо-почвенные детерминанты («революция *против* пространства»¹⁰). В различных социо-политических условиях это пространство может масштабироваться от индивида и общины до народа и наднациональной формации, в социо-культурных – оно должно пониматься как пространство духовное, «жизненный мир» (нем. *die Lebenswelt*)¹¹.

Способ их структурирования: по части организации – синархический, по части ценностного обоснования – логико-иерархический. Связующим звеном подобного единства должна быть не политическая вертикаль или какая-либо формально выраженная иерархическая ось, а четкая система ценностей, мировоззренческая модель – либо, на начальном этапе, множество близких моделей, из которых в конкурентной борьбе на разных площадках выделяются наиболее жизнеспособные и перспективные.

Что мы подразумеваем под такой моделью? – Как некие, признанные пассионарными группами принципы и цели общественного строительства, оформленные в форме деклараций, конституций или манифестов (Великая хартия вольностей 1215 г., Декларация независимости США 1776 г., Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Манифест Коммунистической партии 1848 г.¹² и пр.) – так и философские и боговдохновенные книги, лежащие в их основании. Новое общество нуждается в «Новой Библии» в качестве историкотелеологического языка описания реальности. В прошлом такими трудами были «Феноменология духа» Георга Гегеля¹³, «Капитал» Карла Маркса – ныне основополагающими все еще остаются Тора, Библия и Коран.

Мы не исключаем того, что всякие формальные документы должны опираться на принципы, заложенные в священных текстах, мотивирующая сила которых проверена тыся-

челетиями. Однако интеллектуальная работа ныне состоит не в пересказе буквы Закона, а в выработке непротиворечивого способа его живой интерпретации. В XXI в. – как никогда актуальны вызовы теологии. При этом, говоря о цивилизационном проекте, основной упор должен делаться не на прошлом, ветхом (как в духовном, так и в историческом смысле) – но на будущем, грядущем, на фундаментальном обновлении освобожденного пространства – и на четких и всеобъемлющих принципах такого обновления. Нас роднит не прошедшее – но совместно созидаемое будущее, наши идеалы.

2. Мифология

Каково место Украины в обновленном мировом порядке? Украина старого мира должна стать центром нового. Мы обладаем двумя парадигмами такого единения – в противовес различным формам имперской интеграции («Новый Западный Рим» – Рим-Вашингтон, геополитический Левиафан; «Новый Восточный Рим» – Константинополь-Москва, геополитический Бегемот) Украина издревле воплощала традицию альтернативного центра. С одной стороны, нам следует очертить Киев как аналог Иерусалима – духовной столицы на границе всяких империй, противопоставленной их политико-цивилизационному влиянию. С другой стороны, мы должны заново актуализировать символы Сечи, Запорожья, Дикого поля как аналоги Пустыни за стенами Града Иерусалимского – пространства духовной вольницы.

Перечисленные образы мы понимаем не буквально, но как собирательные парадигмы, обобщающие равноприсутствующие в украинской истории принципы посполитой оседлости и анархического кочевничества. Важно, что оба полюса должны обретаться именно на украинской культурной почве, иначе описанная дихотомия будет неизбежно переводиться в плоскость межцивилизационного геополитического противостояния – с последующей редукцией части Украины к тому или иному образцу и его притяжением ко внешним центрам. Свою диалектическую противоположность Украина может и должна обретать в себе самой: свободу – не «за морем», а на Сечи; порядок – не «в тридевятом царстве», а в стольном граде на Днепре.

Новый свет рождается в межвременье (укр. «*межичас*») ¹⁴ в глубине зимней ночи, в черной гари пожара на окраине Ойкумены ¹⁵, в соприкосновении противоположностей. Так и анархический сечевой устой дополняет и демократизирует синархический посполитый

порядок. Украинское «Гуляйполе» возможно лишь в зоне турбулентности на стыке двух цивилизаций, двух миров ¹⁶ – Леса и Степи, Запада и Востока, и это диалектическое напряжение должно всецело поддерживаться, при правильном управлении создавая не эффект отрицательной поляризации, но срабатывая как фактор парадоксального притяжения.

Формула новой гражданской идентичности: «Нет ни русского, ни украинца». Что означает: есть старое и новое, выбор пути строго не детерминирован этноязыковой принадлежностью, двери в будущее открыты для каждого, избравшего свободу: «...Не к народу должен говорить Заратустра, а к спутникам!» ¹⁷. Это не отменяет языков, культур, религий, рас и этносов, но, как некогда в Речи Посполитой, позволяет вести речь о более высокой форме интеграции, заключающей в себе все остальные. В нынешних условиях мы можем перечислить ведущие составляющие такой идентичности: украинскую, (ново)русскую, крымско-татарскую и, в перспективе, белорусскую.

Этот этнокультурный кластер соотносится с перспективным (кон)федеративным образованием на руинах прежних государств, включающих также юго-западные регионы нынешней Российской Федерации, исторически связанные с Украиной. Вероятный формат его взаимодействия с близкими западными и восточными соседями – союзно-блоковый. Два уроявня интеграции таким образом коррелируют не только с исторической и ментальной общностью, но также и с отсутствием языкового барьера. Роль *κοινη* и впредь может играть русская речь, в связи с чем, конструируя «другую русскую» идентичность (по примеру альтер-германских Австрии и Швейцарии, альтер-саксонских США и Канады), не следует исключать возможности нового прочтения темы «Русского мира».

Революция достоинства 2014 г. есть вызов из будущего современному миропорядку, не являясь при этом ни либеральной, ни консервативной (но включая элементы и подлинного либерализма, и глубинного консерватизма) – ни национальной (но интер-национальной, пробуждая ото сна национальное самосознание и национальную солидарность всех затронутых ею народов). Таким образом ее следующие этапы будут иметь уже не украинское, но русское, крымско-татарское и, вероятно, белорусское содержание («Новая Весна народов»), с соответствующей структурой организации освобожденного «автономного пространства» – от индивида-анарха,

общины синархов до нации-республики и конфедеративного сообщества народов.

Как и прежде, сохраняется вероятность того, что теория будет следовать за практикой, а не наоборот – подобно тому, как, на примере Майдана, сперва свершилось дело, волевой акт, и только затем феномен революции обретает дискурс, глашатаев, словесное выражение. В отличие от кабинетных симулякров «четвертых политических теорий»¹⁸, всеукраинский Майдан стал формой реальной стихийной самоорганизации пассионарных масс, породив новую революционность как практическую реализацию идеализма вооруженных мужчин. Идеализма, отрезвленного реальностью: предательством Запада и подлостью Востока, на почве одновременной революции, интервенции и гражданского противостояния получившего «прививку» и от грез европейского либерализма, и от консервативной меланхолии советского тоталитаризма.

В противовес евразийским «ватникам» и либеральным романтикам украинская революция произвела феномен нового казачества (Автомайдан, «Правый сектор», «Самооборона Майдана»), служащий основанием подлинно гражданского общества, о котором последние двадцать лет теоретизировали прозападные «грантоеды». Самый важный вывод Майдана и всех последующих событий состоит в том, что мирных граждан больше нет и не будет. Одна зима и последующая весна лишили нацию красивых иллюзий – и теперь мы знаем что такое «гражданское общество» уже лучше Европы, которая лишилась *кровного* понимания собственных ценностей. Настоящее гражданское общество – это не толпа бюрократов и бесчисленное множество общественных организаций, а в первую очередь: группы вооруженных граждан, способных эффективно противостоять как внутреннему, так и внешнему врагу – вольное, а не реестровое казачество.

Украинский проект в этом смысле ближе изначальной «американской мечте» и, как крайний восточный *frontier* европейской цивилизации, является местом непосредственного соприкосновения со свободой – и, как следствие, в ницшевском понимании: пространством разрушительного созидания. Украинская мечта – это наша мечта о Новом свете, которому предстоит быть открытым, завоеванным и построенным с нуля, на первозданной, девственной почве Дикого поля, которое есть наша первосубстанция, метафизическая и метаполитическая *materia secunda*¹⁹, не знающая разделения на Сушу и Море.

В XXI в. стены иерихонские прежних империй падут одна за другой и на их месте возводятся Вавилонская башня глобального – и одновременно супраэмпирического – корпоративного государства. Противостоят ему сможет только общество свободных людей: сети, общины, автономные группы, географические и виртуальные пространства – но никак не феодальные деспотии средневекового образца, на которые с изрядной долей наивности все еще полагают надежды некоторые западные интеллектуалы. Это общество генетически восходит к идеалам Нового времени, свои истоки усматривает в полисной цивилизации Эллады, республиканской (но не имперской) традиции Рима, в первых иудеохристианских и исламских религиозных общинах, и свое будущее мыслит в преемственности европейской судьбы. Мы полагаем, что история Европы не окончена – но лишь выходит на новый виток. Мифологема настоящей эпохи: Старая Европа Запада переживает «закат»²⁰ – Юная Европа Востока «восходит» и проходит крещение огнем.

ЛИТЕРАТУРА:

¹ Басманов В. Наивно предполагать, что армия Украины разбежится без единого выстрела / Владимир Басманов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusmonitor.com/vladimir-basmanov-naivno-predpolagat-cto-armiya-ukrainy-razbezhitsya-bez-edinogo-vystrela.html> (07.05.2014).

² Корчинський Д. Революція «от кутюр» / Дмитро Корчинський. – К. : Грот, 2004. – 154 с. – С. 22.

³ Джемаль Г. Политический Ислам. Выступление в Центре стратегических исследований при президенте Азербайджана во время проведения «круглого стола» на тему «Различные лики политического Ислама», г. Баку. 23.09.2009 / Гейдар Джемаль // Стена Зулькарнайна / Гейдар Джемаль. – М. : Социально-политическая мысль, 2010. – С. 343-354. – С. 345.

⁴ Корчинський Д. Національно-визвольна війна повинна перетворитися у Хрестовий похід / Дмитро Корчинський [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://uapress.info/uk/news/show/24513> (13.05.2014).

⁵ Джемаль Г. Новый идеализм / Гейдар Джемаль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=1qOJJ4i6wA> (20.09.2012).

⁶ Лупиніс А. Бунт має рацію (Політичний заповіт) / Анатолій Лупиніс. – Чернігів : Факел, 2004. – 284 с.

⁷ Ibid., С. 140.

⁸ Дугин А. Основы геополитики / Александр Дугин // Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством / Александр Дугин. – М. : Арктогея-центр, 1999. – С. 9-578. – С. 77.

⁹ Шмитт К. Земля и Море: созерцание всемирной истории / Карл Шмитт // Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством / Александр Дугин. – М. : Арктогея-центр, 1999. – С. 840-883. – С. 844.

¹⁰ Ibid., С. 860.

¹¹ Гуссерль Э. Картезианские медитации / Эдмунд Гуссерль // Избранные работы / Эдмунд Гуссерль. – М. : Территория будущего, 2005. – С. 377-442. – С. 424.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / Карл Маркс, Фридрих Энгельс. – М. : Издательство политической литературы, 1974. – 64 с.

¹³ Гегель Г. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / Георг Гегель. – СПб : Наука, 2006. – 448 с.

¹⁴ Лупиніс А. Бунт має рацію (Політичний заповіт)... – С. 43.

¹⁵ Вишинський С. Філософія пограниччя: український вимір / Святослав Вишинський // Всеукраїнська студентсько-аспірантська філософсько-релігієзнавча конференція «Філософія: нове покоління». 22-24 лютого 2006 року. Тези доповідей. – К. : Національний університет «Києво-Могилянська академія», 2006. – С. 9-11. – С. 9.

¹⁶ Вишинський С. Україна трансцендентна / Святослав Вишинський // Погляд. Новини. Факти. Коментарі. – 2006, 11 липня. – № 54 (240). – С. 6.

¹⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Фридрих Ницше // Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы / Фридрих Ницше. – Минск : Харвест, 2005. – С. 3-286. – С. 16.

¹⁸ Дугин А. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / Александр Дугин. – СПб : Амфора, 2009. – 352 с.

¹⁹ Polarstern S. Metaphysica Nova / Smierc Polarstern. – Черновцы : Bes Публики, 2014. – 304 с. – С. 202.

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / Освальд Шпенглер. – М. : Айрис-пресс, 2004. – Т. 1. – 528 с.

Vyshynskiy S. AUTONOMY OF SPACE. THE UKRAINIAN REVOLUTION

The article deals with the problem of philosophic and anthropological basing of the revolutionary events in Ukraine in 2013-2014 and its connection with the process of deconstruction of postmodernity. The author defines philosophic and political vocabulary and the main ethical and metaphysical guidelines for the renewed East European civilization space. The Maidan revolution is considered as a ground for the new social compact and the new ideology, opposing both postmodernist and totalitarian philosophic legacy. The author compares two directions of liberal thought – the European and the American (frontier) – and appeals to the latter as an inherent part of Ukrainian culture, a manifestation of Dmytro Dontsov's «kozak» archetype. Frontier Eurasian mentality, reproducing itself throughout Ukrainian history is understood as a condition for the «new idealism», that anticipates the conservative-revolutionary revival of modernity in the Western world. This renaissance is not merely a theoretical one, but primarily practical – forestalling the probable turn in culture, politics and philosophy itself. Thus the series of later events in Ukraine are seen as a specific «conditon», challenging postmodern relativism and proclaiming the new heroic poetics, i.e the «rebirth of the subject» and of modernity – in its vital and voluntaristic, supra-rational shape, opposing narrow tradition of the European rationalism and postmodernist countersubjectivity altogether. The main value of this specific frontier liberalism is the principle of autonomy – spatial (social and political) and inner (the autonomy of thought), that marks combination of classic logocentric and non-classic network approaches for any type of system organisation – another analogue for the «third way» for modern times between Scylla and Charybdis of fading western liberalism and strengthening oriental conservatism of different sorts.

Key words: *new idealism, voluntarism, autonomy, synarchy, revolution.*